Положительное и негативное взаимодействие корпоративного законодательства и законодательства о банкротстве

Коляда Захар Николаевич
Аспирант Уральского института управления-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, zakhar.kolyada@yandex.ru

В статье автором анализируется взаимодействие корпоративного законодательства и законодательства о банкротстве, их взаимосвязь и принципы действия в одной правовой плоскости. В работе рассматриваются точки соприкосновения этих двух отраслей, выявляются механизмы их гармоничного сосуществования, а также возникающие между ними противоречия. Корпоративное законодательство и законодательство о банкротстве находятся в сложном диалектическом взаимодействии, в рамках которого каждая из этих правовых областей может как усиливать, так и ослаблять эффективность другой. Осознание этой взаимосвязи имеет решающее значение для формирования сбалансированной правовой среды, способствующей как развитию бизнеса, так и защите интересов кредиторов в условиях несостоятельности.
Автор уделяет особое внимание изменению принципов, которые присущи корпоративному праву и законодательству о банкротстве. Также в статье рассматриваются права субъектов корпоративного права и права субъектов законодательства о банкротстве. В статье формулируются конкретные выводы, связанные с темой работы, предложены пути преодоления дефектов в действующем законодательстве Российской Федерации.
Ключевые слова: Корпоративное право, законодательство о банкротстве, субсидиарная ответственность, принципы, банкротство, процессуальные права.

Корпоративное право на сегодняшний день является предметом дискуссий и обсуждений в научном сообществе с точки зрения определения данного «права» как самостоятельной отрасли или подотрасли гражданского права. Сложившаяся ситуация и развитие научной мысли были обусловлены внесением поправок в гражданское законодательство, а также включением в ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее – ГК РФ) нового предмета регулирования – корпоративных правоотношений.

С точки зрения фиксации правовых норм, корпоративное право обладает большим перечнем нормативных актов, которые можно назвать ее источниками: ГК РФ, Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Федеральный закон «Об акционерных обществах»), Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью»), Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – ФЗ «О рынке ценных бумаг») и так далее. Данное законодательство направлено на регулирование на основе частноуправленческих методов правового регулирования общественных отношений, связанные с образованием и деятельностью корпораций (корпоративных форм юридических лиц).

Многие исследователи и ученые поднимали вопрос об автономности данной отрасли права. В. В. Петров утверждал, что кооперативное право обладает собственной предметной областью правового регулирования, которая охватывает кооперативные отношения, базирующиеся на принципах членства. Кроме того, он выделял особый метод правового регулирования в рамках данной отрасли, который он определил как метод кооперативной демократии, а Цуканова Е.Ю. указывала, что «сегодня корпоративные конфликты, «акционерные войны» становятся неотъемлемой частью современной российской действительности. Законодательная власть внимательно следит за этими процессами, отмечая, что в процессе развития корпораций конфликты могут выполнять как конструктивные, способствующие прогрессу корпоративных отношений, так и деструктивные функции, в результате которых разрушается целостность корпораций и наносится вред ее деятельности» [Цуканова 2018: 7].

С данной позицией многие в настоящий момент не согласны, например, В.Ф. Попондопуло, опровергая вышеописанную теорию, выделяет корпоративные отношения в структуре предмета гражданско-правового регулирования как «обязательственные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, возникающие в связи с участием в корпоративных организациях или с управлением ими» [Попондопуло 2014: 7].

Отдельным элементом системы источников корпоративного права можно назвать законодательство о банкротстве, которое сконцентрировано в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», так последнее регулирует одну из форм ликвидации юридического лица и во многом имеет схожие черты, как указывалось выше.

Интересным представляется изучение и анализ взаимодействия корпоративного законодательства с законодательством о банкротстве юридических лиц, так как обе системы связаны между собой, имеют схожие предметы регулирования и в некоторых аспектах общие принципы.

Для сравнения, стоит проанализировать, на первый взгляд, совершенно два одинаковых механизма привлечения к субсидиарной ответственности, чтобы понять разницу в исследуемых областях:

	Субсидиарная ответственность по ФЗ «Об Обществах с ограниченной ответственностью»	**Субсидиарная ответственность по ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»**
Нормы	Часть 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об Обществах с ограниченной ответственностью» в совокупности с ч. 1-3 ст. 53.1, 1064 ГК РФ	Ст. 61.11-61.12 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»
Стороны	Контролирующие должника лица, кредиторы	Контролирующие должника лица, кредиторы, арбитражный управляющий
Доказательственная база	Факт доведение организация до ликвидации (недобросовестное поведение) или до ситуации невозможности рассчитываться с кредиторами	Причинная связь между бездействием контролирующего лица по подаче заявления на банкротство с возникновением требований кредиторов, причинная связь между действиями контролирующего лица и ростом кредиторской задолженности.
Составы нарушений	Неразумные и недобросовестные действия.	Несвоевременная подача заявления о признании должника банкротом, невозможность полного погашения требований кредиторов.

На примере данного сравнения, можно заметить, что корпоративное законодательства конкретизируется нормами о банкротстве, облекая все в более узкие рамки, чем те, которые существовали без банкротной процедуры. В каждом виде субсидиарной ответственности рассматривается недобросовестное действие или бездействие контролирующего лица, между тем, в первом случае это является общей нормой, а во-втором поименованы конкретные составы правонарушений.

Также, изменению подвергаются и особенности управления должником-юридическим лицом - ограничение полномочий органов управления должника при введении процедур банкротства, передача полномочий арбитражному управляющему, особый порядок одобрения сделок. Появляются дополнительные основания для применения мер ответственности, такие как специальные основания для оспаривания сделок и привлечения к ответственности в виде убытков, новые презумпции, которые не позволяют ссылаться на ряд фактов для своей защиты и так далее.

Положительное и негативное воздействие корпоративного законодательства и законодательства о банкротстве предлагается изложить в следующем порядке. За основу анализа взять положения (принципы, цели, особенности, предмет) корпоративного права, так как нормы законодательства о банкротстве подлежат применению только в редких случаях и являются составной частью корпоративного законодательства (вопрос дискуссионный, однако для настоящего исследования за основу будет взята именно данная позиция, схожая с позицией Акчуриной И.Р.), а следовательно, нормы законодательства о банкротстве не создают глобально новый подход к управлению компанией или новые нормы, а изменяют и преобразовывают уже существующие, добавляя новые водные.

Таким образом, за основу (первичный элемент) анализа необходимо взять положения корпоративного права и законодательства, указать на особенности применения данных положений при процедуре банкротства и выявить положительное и негативное взаимодействие данных норм.

Корпоративному праву присуща особая структура источников: Гражданский кодекс РФ как основа, специальные федеральные законы (Федеральный закон «Об акционерных обществах», Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью»), подзаконные акты, локальные корпоративные акты.

Гражданский кодекс РФ является основным нормативным актом, регулирующим гражданско-правовые отношения в стране, включая вопросы, связанные с корпоративным правом. В рамках данного нормативного акта определяются основные принципы и нормы, регулирующие создание, деятельность и ликвидацию юридических лиц, а также права и обязанности участников корпоративных отношений. В описанном законе содержаться нормы об юридических лицах: понятие юридического лица, его виды (например, общества с ограниченной ответственностью, акционерные общества), а также порядок их создания, деятельности и ликвидации; учредительные документы: регламентируется порядок составления устава или учредительного договора, их содержание и регистрация; участие в юридическом лице: определяются права и обязанности участников (участников, акционеров), их вкладов и долей в уставном капитале; ответственность участников: регламентируются вопросы ответственности за нарушение уставных требований или законодательства. Таким образом, Гражданский кодекс РФ создает правовую основу для функционирования корпоративных структур, обеспечивая баланс интересов участников и защищая их права в рамках гражданского законодательства.

Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» является специальным нормативным актом, регулирующим корпоративное право в отношении обществ с ограниченной ответственностью в Российской Федерации. Этот закон регулирует следующие аспекты: создание и учредительные документы, учредители и участники, уставный капитал, органы управления, общие собрания участников, ответственность участников, ликвидация и реорганизация, особенности деятельности организации.

Федеральный закон «Об акционерных обществах» представляет собой ключевой нормативно-правовой акт, регулирующий вопросы корпоративного права, связанные с деятельностью акционерных обществ в Российской Федерации. Документ определяет правовые принципы создания, функционирования, управления и ликвидации таких обществ, а также регламентирует права и обязанности акционеров, обеспечивая правовую основу для их эффективного взаимодействия и соблюдения интересов всех сторон.

Отдельно хотелось бы обратить внимание на локальные корпоративные акты, которые имеют свою специфику и занимают особое место в системе источников. В советской научной литературе данные организации рассматривались как продолжение государственной власти, а их акты - как звено системы нормативно-правовых актов, устанавливаемых государством [Самигуллин В.К. 1975: 74]. В современных же реалиях локальный корпоративный акт не является властным документом, он направлен на регулирование внутренних отношений в юридическом лице, то, что не урегулировано законодательством, на которое опирается любая организация от момента создания и в процессе существования.

В реалиях процедуры банкротства корпоративное управление, а следовательно, и правила из локальных

корпоративных актов не принимаются во внимание в общем смысле. Такая ситуация складывается из-за цели процедур банкротства, а также из-за множественности участников такой процедуры. Механизмы, предусмотренные законодательством о банкротстве, имеют целью защиту, в первую очередь, независимых кредиторов должника (например: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2024 № 301-ЭС21-23374(4)). Правила принятия решения, созыва собраний, и так далее, направлены на решение вопросов, так или иначе, связанных с управлением компанией – признак функционирования в реалиях, не осложненных банкротством. Федеральное законодательство о банкротстве является специальным и направлено на достижение вышеописанной цели, что исключает самостоятельность юридического лица, а также его владельцев, так как акцент с цели «получение прибыли» смещается на «удовлетворение требований кредиторов».

В практике встречаются ситуации, когда корпоративные отношения должны исходить из локальных правил, однако только в части, с целью соблюдения баланса интересов, суд должен применять нормы корпоративного законодательства, как более специальные, к примеру, в одном из недавних дел Верховный Суд Российской Федерации указал: «Следовательно, при разработке положения о продаже доли в уставном капитале, принадлежащей несостоятельному лицу, прежде всего необходимо было руководствоваться ст. 25 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», посвященной обращению взыскания на долю участия в уставном капитале по требованиям кредиторов. При этом судебным актом, предусмотренным п. 1 упомянутой статьи, на основании которого начинается соответствующая процедура обращения взыскания на долю является решение суда об открытии конкурсного производства (о введении реализации имущества), которым, по сути, констатируется недостаточность имущества участника общества для покрытия долгов (например, Определение Верховного суда Российской Федерации от 23 июля 2024 года № 309-ЭС20-7486 (6) по делу № А50-18848/2016).

Подытоживая анализ данного аспекта корпоративного права, хотелось бы отметить, что особая структура источников меняет свое воздействие и приобретает новый характер взаимодействия при введении процедуры банкротства. По моему мнению, такое влияние можно назвать больше негативным, так как при проведении мероприятий в процедуре банкротства юридического лица следует сопоставлять нормы корпоративного законодательства и законодательства о банкротстве между собой с точки зрения специальности, что создает некую сложность и даже неопределенность в выборе правильного поведения. В судебной практике стали появляться акты, которые указывают на необходимость «считаться» с корпоративным законодательством, тогда как ранее презюмировалось, что законодательство о банкротстве становится более специальным законом при введении процедуры банкротства. Из-за необходимости выяснять «специальность» закона в какой-либо ситуации в процедуре банкротства может привести к двойному толкованию, необходимости разъяснений, пробелу, злоупотреблению правом и так далее. Именно по этой причине, взаимодействие законов в данном аспекте стоит назвать негативным.

Далее, хотелось бы проанализировать изменение принципов, которые присущи корпоративному праву. Можно выделить следующие специальные принципы:

- принцип большинства при принятии решений.
- принцип пропорциональности прав размеру участия.
- принцип защиты миноритарных участников.

Данные основные начала исходят из сути корпоративного управления, предоставляя субъектам права перечень прав и обязанностей, связанных с созданием и управлением компанией. Для наглядности видоизменений была составлена сравнительная таблица:

Принцип:	Корпоративное законодательство	Законодательство о банкротстве
Принцип большинства при принятии решений	Один из ключевых принципов корпоративного права, который регулирует процесс принятия решений в юридических лицах. Он основывается на том, что решения внутри организации принимаются большинством голосов участников или акционеров, что обеспечивает эффективность управления и легитимность принимаемых решений. Статьи 67, 69, 94 ГК РФ. Статья 44, 45, 49 ФЗ «Об акционерных обществах». Статьи 34,35 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».	Данный принцип применим к порядку принятия решений в процедуре банкротства конкурсными кредиторами, которые участвуют в одноименных собраниях для решения важных вопросов и с целью контроля хода процедуры. Статья 12 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
Принцип пропорциональности прав размеру участия.	Один из фундаментальных принципов корпоративного права, который гарантирует, что права и обязанности участников соответствуют их доле в уставном капитале или участии в обществе. Статья 67 ГК РФ. Статьи 2, 44, 45 ФЗ «Об акционерных обществах». Статьи 34, 35 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».	Данный принцип указывает на необходимость принимать решения в процедуре банкротства большинством, где голоса оценивается пропорционально размеру требований, включенных в реестр требований кредиторов. Статья 12 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
Принцип защиты миноритарных участников.	Важный аспект корпоративного права, направленный на обеспечение прав меньшинства участников или акционеров, чтобы предотвратить возможные злоупотребления со стороны большинства. Статья 45 ГК РФ. Статьи 49, 66, 75 ФЗ «Об акционерных обществах». Статьи 40, 41 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».	Данный принцип защищает кредиторов, чей размер требований не позволяет влиять на решение собраний кредиторов. Согласно данному принципу, любой миноритарный кредитор вправе оспорить решение собрания и добиться справедливого решения. Статьи 12, 60 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Вышеуказанные принципы видоизменяются, хотя тут больше подойдет слово «замена», так как указание на однородность принципа «большинства» в отношении конкурсных кредиторов и участников корпорации некорректно, хотя они явно исходят из одних идей и направлены на защиту схожих интересов, только разных субъектов.

При замене одного из вышеуказанных принципов корпоративного права на принципы с тем же наименованием, но регулирующие права и обязанности других субъектов, старый смысл и идея принципа нивелируется, так как фактически происходит его исчезновение. Законодательство о банкротстве добавляет новые принципы для кредиторов, однако также и сводит на нет принципы корпоративного права, так как при проведении процедур банкротства специальным становится одноименный закон, который не содержит норм о правах, к примеру, участников организации – только несколько статей.

В данном случае, негативным влиянием обладает уже законодательство о банкротстве, так как меняя природу вышеуказанных принципов, заменяя их, нивелируются права участников компании, которые эти принципы защи-

щают, не предоставляя какой-либо альтернативы. С началом процедуры конкурсного производства в отношении юридического лица вопросы определения статуса его участников переходят в плоскость банкротного законодательства. Вместе с тем, данное законодательство не устанавливает однозначных и четких критериев для определения этого статуса.

Учитывая, что процедура банкротства в конечном итоге приводит к сокращению имущества компании через его реализацию на публичных торгах для расчетов с кредиторами или к прекращению ее существования, что напрямую влияет на имущественное положение участников, очевидно, что такие вопросы не могут быть решены без учета воли участников и соблюдения их прав.

Семерьянова Н.А. отмечала: «базисной целью участников является не только порождение корпорации, но и использование ее для опосредованного предпринимательского участия в гражданском обороте с целью получения имущественных выгод» [Семерьянова 2008: 132]. Появление признаков финансовой несостоятельности и инициирование дела о банкротстве юридического лица непосредственно отражается на интересах его участника. Недостаточное внимание к роли участника юридического лица в законодательстве о банкротстве неоднократно подчеркивалось в научных исследованиях. Например, Емелькина Н.А. указывала, что «Законодатель долгое время «забывал» о существовании одних из самых заинтересованных лиц в отношениях несостоятельности (банкротства) - учредителей (участников) должника» [Емелькина 2004: 89].

В связи с тем, что были затронуты права субъектов корпоративного права, стоит уделить внимание и им.

В контексте введения процедуры банкротства в отношении юридического лица, определение статуса его учредителя перемещается в плоскость банкротного права. Однако нормативная база в этой области не содержит четкого и полноценно сформулированного определения данного статуса, несмотря на то, что учредитель обладает существенным правовым интересом в отношении юридического лица-банкрота.

Следует отметить, что под участником юридического лица понимается субъект, владеющий определенной долей в компании, что предполагает право собственности или соучастия. Такой статус предоставляет указанному субъекту комплекс прав в управленческой сфере, возможность извлекать прибыль от участия, а также налагает ряд обязанностей в рамках корпоративных правоотношений.

Федеральный закон о несостоятельности (банкротстве) вводит специальное правило, корректирующее общие положения статьи 56 Гражданского кодекса Российской Федерации, которое касается разграничения имущественной ответственности. В рамках предусмотренных законом условий, если имущества должника недостаточно для удовлетворения требований кредиторов, контролирующие должника лица, включая его участников, могут быть привлечены к субсидиарной ответственности по обязательствам компании.

Участие физических лиц в структурах юридических лиц в контексте Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» рассматривается преимущественно в нескольких ключевых положениях, отражающих их статус и функции. В частности, статья 19 данного нормативного акта относит таких участников к категории заинтересованных (аффилированных) лиц. Кроме того, статья 61.10 вводит правовое понятие контролирующего лица, под которым понимается физическое лицо, обладающее определённым влиянием на деятельность должника, включая участие в его капитале.

Практика рассмотрения судебных дел подчеркивает важный аспект: владение участником или акционером менее чем 10% уставного капитала юридического лица не создаёт достаточных предпосылок для признания такого участника или акционера контролирующим должника лицом. Это положение отражает установленную законом градацию правоспособности и определённого уровня управления, который может осуществляться в рамках корпоративной структуры, что имеет прямое значение для квалификации роли лица при анализе групп аффилированности и контроля над деятельностью компании в случае неплатежеспособности (постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 октября 2018 года по делу № А40-172577/2017, постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 июля 2018 года по делу № А40-22376/2014).

В современной судебной практике сложилась устойчивая презумпция «контроля» со стороны участника юридического лица, что автоматически связывает его с потенциальной ответственностью за ухудшение финансового состояния компании, вплоть до состояния кризиса и объективного банкротства, если этот участник не представит доказательств обратного.

Учитывая, что процедура банкротства неизбежно ведет к сокращению активов компании через их реализацию на публичных торгах с целью удовлетворения требований кредиторов или же к прекращению деятельности организации, что напрямую затрагивает имущественные интересы ее участников, становится очевидным: решение таких вопросов невозможно без учета мнения участников и обеспечения защиты их законных прав.

Семерьянова Н.А. утверждала: «базисной целью участников является не только порождение корпорации, но и использование ее для опосредованного предпринимательского участия в гражданском обороте с целью получения имущественных выгод» [Семерьянова 2009: 145]. Возникновение же признаков несостоятельности и дела о банкротстве в отношении юридического лица напрямую влияет на интерес его участника.

Действующее законодательство не содержит четкого списка прав и обязанностей владельцев бизнеса, что порождает определенные сложности. В подобных ситуациях участнику юридического лица рекомендуется проявить инициативу и самостоятельно направить ходатайство о допуске к участию в деле о банкротстве, чтобы иметь возможность защищать свои интересы. Однако стоит учитывать, что такая возможность не является гарантированной. Суд может отказать участнику общества, владеющему долей в его уставном капитале, в самостоятельном участии в процессе, обосновав свое решение отсутствием соответствующих положений в законодательстве о банкротстве, которые бы предусматривали участие таких лиц в арбитражном рассмотрении дела о неплатежеспособности компании (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 октября 2018 года по делу № А40-172577/2017, постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 июля 2018 года по делу № А40-22376/2014).

Отсутствие в федеральном законодательстве о банкротстве достаточного упоминания участника юридического лица не раз отмечалось в научной литературе. Например, Емелькина Н.А. указывала, что «Законодатель долгое время «забывал» о существовании одних из самых заинтересованных лиц в отношениях несостоятельности (банкротства) - учредителей (участников) должника» [Емелькина 2004: 112].

Участие лица в деле о банкротстве допускается и в самостоятельном порядке, если оно привлечено в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований по предмету спора. Процессуальный статус такого

лица предполагает наличие права обжаловать судебные акты, однако его возможности ограничиваются исключительно реализацией процессуальных прав в рамках одного конкретного обособленного спора.

Другими словами, такое лицо может участвовать в деле о банкротстве юридического лица при реализации одного из следующих сценариев: во-первых, в качестве участника всего дела, если соответствующее ходатайство будет удовлетворено судом; во-вторых, в качестве стороны отдельного обособленного спора, если лицо было привлечено судом как третье лицо; и, в-третьих, в роли ответчика в процессе о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Последний случай основывается на законодательной презумпции контроля, закрепленной в нормах права о банкротстве.

На сегодняшний день самым распространённым случаем участия участников юридического лица в делах о банкротстве является их привлечение в качестве контролирующих должника лиц, выступающих ответчиками в отдельных спорах о субсидиарной ответственности. Статистические данные из Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности субъектов экономической деятельности по банкротству подтверждают эту тенденцию. Так, по состоянию на 30 июня 2023 года, только за первое полугодие текущего года было подано 3260 заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности. Причём более 90 % из них указывали участников должника в качестве соответчиков.

Законодательство в настоящий момент определяет контролирующее должника лицо как субъекта, осуществляющего контроль над должником индивидуально. Однако в юридической науке существует мнение, что контроль может происходить и на основе совместных действий нескольких лиц. Например, такие положения высказываются в трудах Николаева А. Н. Этот аспект демонстрирует сложность и разнообразие механизмов управления должником, которые должны учитываться при рассмотрении соответствующих дел [Николаев 2013: 146].

Как было отмечено ранее, объем прав и обязанностей участника в рамках процедуры банкротства на текущий момент остается недостаточно четко регламентирован. Как законодательство, так и судебная практика устанавливают лишь ограниченные формы возможного участия таких лиц в делах о несостоятельности юридических лиц.

Вместе с тем, существующая судебная практика не предоставляет достаточного количества разъяснений, касающихся возможностей участников общества в процедуре банкротства. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в основном рассматривает участника исключительно в качестве контролирующего лица должника. На практике это сводится к его участию в роли ответчика в спорах о привлечении к субсидиарной ответственности. В частности, статья 34 упомянутого закона, определяющая круг лиц, участвующих в деле о банкротстве, вовсе не упоминает учредителя должника.

На мой взгляд, данное положение законодательства игнорирует фактический статус участника как собственника доли юридического лица. Эта доля является его активом, что логично должно предполагать наличие у него определенных прав и обязанностей, связанных с процедурой банкротства. Таким образом, текущая нормативная база не в полной мере учитывает специфику участия собственников в подобных процессах.

Анализируя приведённую судебную практику, можно заключить, что в российской правовой системе сложилась своеобразная презумпция «контроля». Она заключается в том, что причинно-следственная связь между действиями участника должника (контролирующего лица) и обстоятельствами, повлекшими банкротство юридического лица, считается доказанной. Такой подход возлагает на контролирующее лицо обязанности, включая необходимость экономически обосновывать свои действия как участника, опровергать вину в доведении компании до банкротства и иные аналогичные задачи. Ярким примером закрепления данного подхода служит Постановление Конституционного суда РФ от 21 мая 2021 года № 20-П, рассматривающее конституционность пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» по делу гражданки Г. В. Карпук. Также стоит упомянуть Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 июня 2021 года по делу № А12-7965/2020. Тем не менее, каким-либо корреспондирующим правам контролирующего лица законодательство не уделяет достаточного внимания. Ни Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», ни судебная практика не предоставляют дополнительных процессуальных возможностей помимо общепроцессуальных гарантий, установленных Арбитражным процессуальным кодексом РФ.

В итоге процессуальные права участника должника сводятся к подаче отзывов, возражений и участию в судебных заседаниях в рамках обособленных споров, где он выступает ответчиком. Однако у такого участника отсутствует возможность инициировать собственные процессуальные действия в рамках дела о банкротстве, такие как подача заявления о признании сделки должника недействительной или инициирование обособленных споров. Это очевидное нарушение баланса прав и обязанностей такого лица как участника процесса банкротства, что существенно ущемляет его интересы.

Многие эксперты в области права разделяют это мнение. Например, Н. А. Власенко подчёркивает, что наличие баланса интересов в правовом регулировании является выражением принципа разумности. Основная цель этого принципа — обеспечение эффективного функционирования права, его способности оперативно реагировать на изменения и обеспечивать реальную защиту интересов всех участников правоотношений [Власенко 2011: 52].

В завершение можно отметить, что на сегодняшний день существует проблема с определением правового статуса участника юридического лица, находящегося в состоянии банкротства.

Подводя итог настоящего разделе, стоит отметить, что корпоративное и банкротное законодательство тесно взаимосвязаны, что может порождать ряд противоречий и нюансов. Рассмотренные примеры влияния двух законодательств показывают только часть проблем, которые возникают при урегулировании данной сферы, однако данный анализ явно демонстрирует необходимость создания коллизионных норм, которые бы четко закрепляли сферы применения закона, перечень прав и обязанностей всех корпоративных субъектов, а также ограничения, которые должны учитываться при регулировании.

Литература

1. Акчурина И. Р. Отраслевая принадлежность совокупности правовых норм, регламентирующих отношения несостоятельности (банкротства) // Вестник Казанского государственного финансово - экономического института. 2011. № 3. С. 73-76.

2. Власенко Н. А. Разумность и право: связь явлений и пути исследования // Журнал Российского права. 2011. № 11. С. 45-57.

3. Емелькина Н. А. Защита прав учредителей (участников) должника в деле о несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004 - 188 с.

4. Николаев А. Р. Правовое положение контролирующих должника лиц в процедурах несостоятельности : банкротства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013 – 213 с.

5. Попондопуло В. Ф. Корпоративное право России: общая характеристика // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2016. №2 С. 93-100.

6. Попондопуло В. Ф. Корпоративное право: понятие и природа // Юрист. 2014. № 20. С. 5-13.

7. Самигуллин В. К. Локальные нормы в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. - 236 с.

8. Семерьянова Н. А. Учредители (участники) хозяйственного общества и их правовой интерес в процессе несостоятельности (банкротства) : (теоретико-методологические основания) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008 - 197 с.

9. Цуканова Е. Ю. Корпоративный конфликт как неотъемлемый элемент корпоративных правоотношений в Российской Федерации // Наука России: цели и задачи. 2018. С. 7-10.

Positive and negative interaction of corporate legislation and bankruptcy legislation

Kolyada Z.N.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In the article, the author analyzes the interaction of corporate legislation and bankruptcy legislation, their interrelation and principles of operation in one legal plane. The paper examines the points of contact between these two industries, identifies the mechanisms of their harmonious coexistence, as well as the contradictions that arise between them. Corporate law and bankruptcy law are in a complex dialectical interaction, in which each of these legal areas can both enhance and weaken the effectiveness of the other. Understanding this relationship is crucial for creating a balanced legal environment that promotes both business development and the protection of creditors' interests in insolvency.

The author pays special attention to changing the principles that are inherent in corporate law and bankruptcy law. The article also discusses the rights of subjects of corporate law and the rights of subjects of bankruptcy legislation. The article formulates specific conclusions related to the topic of the work, and suggests ways to overcome defects in the current legislation of the Russian Federation.

Keywords: Corporate law, bankruptcy legislation, subsidiary liability, principles, bankruptcy, procedural rights.

References

1. Bolshakov A.S., Khusainov R.V., Osin A.V. Traffic Anomaly Detection Using a Neural Network to Ensure Information Security. I-methods. 2021, Vol. 13, No. 4. [Electronic source] URL: https://707.su/0V4L [Accessed 21.04.2026].
2. McFarland Alex, Cybersecurity Tools Based on Artificial Intelligence. [Electronic source]. URL: https://www.unite.ai/ru/инструменты-киберзащитности-ИИ [Accessed 09.04.2026].
3. Alwhbi I. A., Zou C. C., Alharbi R. N. Encrypted Network Traffic Analysis and Classification Utilizing Machine Learning // Sensors (Basel). 2024. Vol. 24, No. 11. Art. 3509. 17 p. DOI: 10.3390/s24113509. [Electronic source] URL: https://www.mdpi.com/1424-8220/24/11/3509 [Accessed 15.04.2026].
4. Labonne M. Anomaly-based network intrusion detection using machine learning. Cryptography and Security [cs.CR]. Institut Polytechnique de Paris, 2020. English. [Electronic source] URL: https://theses.hal.science/tel-02988296/document [Accessed 20.04.2026].
5. Vadgaonkar Priti H. Network Anomaly Detection and User Behavior Analysis using Machine Learning. International Journal of Computer Applications (0975–8887) Volume 175– No. 13, August 2020. [Electronic source] URL: https://707.su/CTSQ [Accessed 20.04.2026].
6. Wang S., Jiang R., Wang Z., Zhou Y. Deep Learning-based Anomaly Detection and Log Analysis for Computer Networks // Journal of Information and Computing (JIC), 2024, 2(2), 34–63. [Electronic source] URL: https://arxiv.org/pdf/2407.05639 [Accessed 03/28/2026].